

Сочнев Юрий Вячеславович —

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,
г. Нижний Новгород

Православная церковь и духовенство в восточной политике русских князей XIII–XIV вв.

Ключевые слова

восточная политика
Руси, ордынское
иго, православное
духовенство,
христианство
в Золотой Орде,
дипломатическая
деятельность

В статье на основе дошедших до нашего времени источников рассматривается участие Православной церкви и духовенства в восточной политике русских князей в период золотоордынского господства. Показано объективное совпадение внешнеполитических целей светских и духовных властей во внешнеполитической защите интересов Руси, влияние на эти процессы развития религиозных отношений в государстве завоевателей.

Калка. Худ. Рыженко П.В. 1996

Страшное поражение и разгром, пережитые русскими землями в 1237–1240 гг., определили необходимость налаживания отношений с образовавшимся после этого государством завоевателей. Истребительное нашествие Батгя ослабило государственный аппарат русских княжеств, опустошило значительные территории и подорвало хозяйственную систему, привело к усилению феодальных распрей. От того, какие формы и методы управления стали бы применяться к покоренной Руси, и как стали бы развиваться взаимоотношения с золотоордынскими ханами, во многом зависела ее будущая историческая судьба. В этих условиях восточная политика обрела для русских князей спасительное значение. Однако из-за поражения, определившего вассальный статус русских князей, и военно-деспотического характера государственной власти в Золотой орде, спектр возможностей для их политических действий был весьма ограничен. В складывающейся ситуации русские правители охотно прибегали к помощи Православной церкви и духовенства.

Церковь в Средневековье имела особое значение, являясь влиятельным элементом социально-политической системы феодального общества, обладая большим экономическим потенциалом, собственными сферами юрисдикции и права. Имея мощную культурную и интеллектуальную ресурсы, оставаясь в условиях политической раздробленности единой организационной структурой, Русская церковь и духовенство могли оказать великокняжеской власти неоценимые услуги в достижении внешнеполитических целей. Особенности исторической эпохи приводили к тесному переплетению политики с религией и действиями чисто церковного значения, что проявлялось и во внешнеполитической сфере. Специалисты образно, но довольно точно характеризуют это явление: «в ту пору были сильны связи дипломатии и церкви, когда подчас трудно отличить монаха от посла, монастырь от консульства, церковь от пакагуза, сказание пилигрима от депеши, паломника от резидента...» [4, с. 18]. Сказанное действительно не только для периода монгольского господства, и в домонгольское время на Руси высшие церковные

иерархи традиционно выполняли функции послов, парламентариев, представителей князя или города в различных политических конфликтах и династических спорах.

Какая-то часть русского духовенства с самого начала контактов с завоевателями начинает проникать в среду кочевников. Это было не ново для Русской церкви, и до Батгьева нашествия усилия ее миссионеров направлялись на христианизацию наряду с древнерусскими глубинными районами также оседлых кочевых и оседлых народов. В новых условиях, кроме достижения канонической цели распространения православия, выполнялись и различные дипломатические функции, особой миссией было обращение в христианскую веру монгольских властителей и членов их семей. В случае успеха открывалась возможность влияния на ханов и определяемую ими политику, важным итогом могло быть установление шалящих форм подчинения Руси монгольской власти. Такое проникновение облегчалось значительным распространением христианства, преимущественно несторианского толка, занимаемыми в монгольской империи еще до завоевания восточноевропейских территорий и благосклонной религиозной политикой ее центральных властей, направленной на покровительство и союз с представителями духовенства разных конфессий в покоренных странах. Кроме того, шаманистическим верованиям монголов был свойственен стихийный монотеизм, что внушало не безосновательные надежды на принятие ими новой религии.

Религиозная политика в монгольской империи, определенная еще Чингис-ханом, отличалась широкой веротерпимостью, определенная еще Чингиз-ханом, в дальнейшем этот принцип был закреплён как государственная традиция, обретшая силу закона. Одной из характерных ее черт было благожелательное отношение к христианству. Монголы довольно рано почерпнули от своих соседей четкое представление об этой религии. Христианство, главным образом несторианство, было распространено среди уйгуров, оказавших значительное влияние на образование монгольского государства в начале XIII в. Несторианство также было известно и среди крупнейших

монгольских племен кeraitов и найманов, живших в Западной Монголии. Несторианская община возникла в V в., но вскоре откололась от официальной Византийской церкви и была изгнана за пределы империи. Несториане нашли прибежище в Персии, где даже основали близ Багдада свой патриархат. Воодушевленные идеями активной миссионерской деятельности они проникли в Индию и Китай. А уже из Китая это христианское учение попало и в среду некоторых монгольских племен. Довольно быстро несторианство завоевало прочные позиции и при дворах монгольских императоров.

Благожелательное отношение великого каана Гуюка (1246–1248) и его окружения к христианам вызвало наплыв христианского духовенства из разных стран в столицу монгольской империи. Рашид-ад-Дин так сообщал об этом: «Когда молва о том распространилась, то из стран Шама, Рума, Осов и Русов в его столицу направились христианские священники» [12, с. 121]. Как видим, в перечне иерархов из Сирии, из Византии, из Алании называется и русское духовенство. Отчет католического монаха-миссионера Платона Карпини позволяет объяснить присутствие русских священников в Кара-Коруме. Европеец часто указывает на русских клириков как на своих главных информаторов о традициях и обычаях, о завоеваниях и государственных порядках монголов, отмечая пребывание некоторых из них вместе с императором. Например, описывая свои переговоры с сановниками Гуюка, Платон Карпини сообщает: «Толмачом же нашим был как этот раз, так и другой Темер, воин Ярослава, в присутствии клирика, бывшего с ним, а также другого клирика, бывшего с императором» [11, с. 78]. Присутствие русских священников на переговорах монгольской администрации с представителем западных стран показывает, что они пользовались доверием и определенным влиянием у каракорумских властей. Длительное пребывание при дворе монгольского императора русских клириков, несомненно, было вызвано задачами русской дипломатии. Разумеется, церковное руководство не забывало при этом и о собственных интересах. Возможный союз монголов с католиками непосредственно за-

трагивал политические интересы русских княжеств и Православной церкви, любые связанные с этим события вызывали к себе пристальный интерес со стороны представителей высшего духовенства. Русские клирики, как и священники других церквей, были полны надежд на обращение великого каана Гуюка в христианство, прилагали к этому немалые усилия, и, хотя не преуспели в главном, они способствовали упрочению позиций православия при дворе монгольского императора. Тот же Карпини сообщал, что Гуюк «держит христианских клириков и дает им содержание,

также перед большой палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане, как бы велика там не была толпа Татар или также других людей; другие вожди этого не делают» [11, с. 79, 80].

В западной части монгольской империи, непосредственно соприкасавшейся с русскими землями, в данный период также сложилась благоприятная для христиан ситуация. Хан Бату, имевший здесь верховную власть, не склонен был принимать крещение, но являлся сто-

ронником традиционной политики веротерпимости. Большую склонность к христианству имел хан Сартак [8, с. 11], старший сын и наследник Бату. Приверженность наследника престола в Золотой Орде к христианству открывала большие перспективы в сфере дипломатии для представителей христианского духовенства разных направлений. Увеличивали открывающиеся возможности некоторые особенности традиций кочевников, согласно которым, старший сын получал в свою компетенцию все вновь приобретенные земли. Конечно же, высшие иерархи Русской церкви прекрас-

С. Рыженко П.В.

Сартак. Худ. Рыженко П.В. 2010

но были осведомлены о ситуации в метрополии и стремились использовать ее в своих интересах. О поездках в Золотую Орду ростовского епископа Кирилла нам известно из «Повести о Петре, шевриче ордынском». Несмотря на возникновение этого произведения в XV в., информация, сообщаемая в нем, о церковной жизни Ростовской епархии в XIII–XIV вв. заслуживает внимания как достаточно достоверная.

Епископ Кирилл, авторитетнейший государственный деятель и талантливый проповедник, оставался в это время в Северо-Восточной Руси единствен-

ным иерархом высшего ранга. Его личные качества и положение позволяли ему эффективно осуществлять в 40–50-е гг. XIII в. связи с двором монгольского хана в Орде в 40–50-е гг. XIII в., защищая при этом интересы как союзных князей, так и собственно церкви [15, с. 7, 8]. Из содержания повести мы узнаем о двух поездках епископа Кирилла ко двору золотоордынского хана, но есть основания предположить, что их было больше. Подробнее всего описан второй визит, когда русский иерарх был вызван ханом для лечения своего единственного сына. Кирилл исцелил больно-

го царевича, за что хан приказал ежегодно давать дань в ростовский храм Успения Богородицы. Как видно из повести, епископ активно проповедовал среди окружения хана. Под влиянием его рассказов, племянник золотоордынского правителя отправился с ним в Ростов, где и был крещен под именем Петра. Повествование наглядно показывает особое расположение хана и его придворных к ростовскому владыке, которому позволялось обращаться в христианство даже представителей высшей ордынской аристократии. Крещение Петра не было единственным случаем.

Царевича женили на дочери ордынского вельможи, уже жившего в Ростове. Потомки Петра, используя свою принадлежность к роду Чингисидов, в дальнейшем содействовали избавлению города от ордынского разорения [14, с. 98–105].

К 60-м гг. XIII в. для русской правящей элиты стал вполне понятен длительный характер зависимости Руси от золотоордынских ханов, что подталкивало к необходимости иметь надежную базу для развертывания русского политико-дипломатического влияния в их владениях. Необходимость получения ярлыков вынуждала князей совершать периодические поездки в кочевую ставку или ко двору ханов в г. Сарай. С 1243 г. летописи регулярно сообщают о таких поездках русских князей со своими приближенными. Кроме них и русские церковные иерархи также частенько ездили в Орду или через ее территорию в Константинополь. Немало русских людей прибывало в Золотую Орду в составе дипломатических посольств и купеческих караванов, отправлявшихся далее в Монголию и другие Восточные страны. Эти путешествия были непростыми и длительными, а некоторые из князей или членов их семей были вынуждены, как пленники, жить в Орде не один год. Чуждая для них страна с непривычными условиями жизни, таила массу опасностей. К этому следует добавить, что в условиях ордынского господства на Руси усилились феодальные распри: и в Сарае, и в Каракоруме русские князья стремились свести друг с другом старые феодальные счета, используя свое положение при ханском дворе. Никто не мог быть уверен в благополучном исходе пребывания в ханской ставке, поскольку, по выражению автора Ипатьевской летописи, «бяхуть князи Русции в воли татарской» [10, т. 2. стб. 897]. Трагические исходы многих поездок всем были хорошо известны. Не случайно возвращение на родину отмечалось как счастливое событие.

Предыдущие, довольно многочисленные поездки в Сарай ко двору или в кочевую ставку хана, наглядно показали все сложности длительного нахождения там. Об условиях пребывания дипломатов писал Плато Карпини: «Послы, приходящие из других стран, терпят нужду как в содержании,

так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности, когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на 10 человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое, также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно также, если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды» [11, с. 23]. Это описание относится к начальному периоду истории Золотой Орды, но и позже ситуация не значительно изменилась к лучшему. Ибн Баттута, характеризуя порядки при дворе хана Узбека в нач. 30-х гг. XIV в., отмечал: «Эти Тюрки не знают ни (обычая) отвода помещений приезжему, ни отпуска (ему) продовольствия, а только посылают ему овец и лошадей для заклания и меха с кумысом. Вот их (способ) оказывания почета» [16, с. 291]. Сложности бытового характера, связанные с пребыванием в среде завоевателей, так же, как и политическая необходимость, подталкивали к созданию некоего подобия дипломатической миссии в столице Орды.

Кроме того, в восточной политике русских княжеств была еще одна острейшая проблема — судьба пленных соотечественников. Значительные массы русских ремесленников и горожан были уведены монголами в свои степные владения. Вместе с пленниками из Средней Азии, Волжской Болгарии, Крыма и Кавказа они по приказу ханов строили новые города в степях Поволжья, такие как Сарай-Бату, Сарай-Берке, Укек, Бельджамен (Бездеж) и др. Они же стали основателями и работниками сотен различных ремесленных мастерских в этих городах. Все увеличивающееся количество русских людей в городах Золотой Орды и при дворе хана, вызывало практическую необходимость обслуживания их духовных нужд. Эти нужды могла удовлетворить только церковь, выполнявшая в средневековом обществе некоторые социальные функции: она помогала неимущим, престарелым и инвалидам, лечила больных, учила грамоте. Для русских людей в Орде православные иерархи единственные могли быть утешителями и, в какой-то мере, защитниками. Лишь у священника в храме мог-

ли найти хотя бы временный приют и помощь нищие, больные и инвалиды, не способные больше работать, и ставшие ненужной обузой для своих хозяев. Упомянутые уже несторианские священники, находившиеся среди монголов, не слишком терпимо относились к православному населению, добиваясь признания своих догматов, отличавшихся от признанных в греческой церкви. Нуждающихся в помощи пленников, вероятно, было довольно много из-за жестокой эксплуатации завоевателями. Положение пленных можно представить по описанию Плато Карпини: «... они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются... Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени, от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках, слышали мы также, что другие умирали, или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными» [11, с. 37]. Это свидетельствует ярко иллюстрирует тяготы русских и других пленников в Орде.

Для русских светских и духовных властей во второй половине XIII в. вопрос о судьбе пленников был очень злободневным. Высший клир Русской церкви эти вопросы беспокоили из-за существования, так называемого, права печалования. Это право — обязанность представительства, защиты или ходатайства перед властями за угнетенных и опальных, за лиц, нуждавшихся в милости правосудия, было предоставлено византийскими императорами епископам, согласно правилу карфагенского собора. На Руси право печалования действовало наряду с другими определениями, содержащимися в Кормчей [7, с. 497]. Высшее духовенство, в особенности митрополит, рассматри-

валясь как печаловники всей земли Русской. Поэтому защита русских колонянников, забота о них, насколько это было возможно в складывающейся ситуации, была канонической обязанностью духовенства.

Радение о сохранении православной веры среди пленных соотечественников, стремление как-то облегчить их участь, удовлетворить их духовные нужды также были, наряду с политико-дипломатическими интересами, в числе важнейших причин, определивших необходимость создания Сарайской православной епархии с кафедрой в столице Золотой Орды. Этот православный центр, подчиненный Киевскому митрополиту, был основан в 1261 г. при хане Берке, который первым из золотоордынских правителей пытался ввести ислам в качестве государственной религии. Хотя открытие епархии пришлось на время правления мусульманина Берке, представляется, что принципиальное соглашение было достигнуто еще при Сартаке, который активно покровительствовал христианам.

Начало религиозной реформы при хане Берке не прекратило усилий Русской церкви утвердить свое влияние в степях, принадлежавших монголам. Об этом свидетельствует интереснейший папский документ — «Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста» [13, стб. 136, 137]. Собор, на котором присутствовал Феогност, состоялся в 1276 г. в Константинополе. Большинство вопросов, заданных сарайским владыкой, уточняли канонические правила православного богослужения. Но ряд вопросов был вызван новыми для русского духовенства условиями, в которых оно оказалось в монгольских владениях. Высшие иерархи византийской церкви проявили полное понимание сложности этой обстановки. Показателен в этом плане вопрос 21: «Подобает ли, священник трапезу, переносити от места на место, и на ней литургисати?» — Ответ. Подобает, занеже по нужи есть. Хождящие люди не имеют себе упокойна места; но стрещи съ страхом и трепетом: в чисте месте поставити ю, и служити на ней». Вопрос 23 специально уточнял обряд крещения кочевников в степных условиях: «Приходящим от татар, хотящих креститись, и не будет велика

свуда, в чем погружать ему? — Ответ. Да обливаеет его трижды, глаголя: "во имя Отца и Сына и Святого Духа"». В Золотой Орде православная религия составила значительную конкуренцию несторианству и потеснила его позиции. Усилия русских и других православных миссионеров были направлены на обращение не только язычников, но и приверженцев других христианских вероучений. Вопрос 22 касается того, как следует крестить несториан и яковит: «Приходящим от Несториан и от Яковит, како подобает крещати? — Ответ. Подобает ему прокляти свою веру и учителя свои, помазавше и миром, тако причтет и правверней вере и благочестиве». Некоторые другие вопросы также отражают специфику существования сарайской епископии, но для рассматриваемой нами проблемы особенно интересен вопрос 27, дающий основание предположить, что в Сарае или его округе существовал православный монастырь. «Аще будет монастырь под епископью, угоден будет епископью, достоини внемь епископью сътворити, или ни, а монастырь инде сътворити? — Ответ. В том волен епископ сътворити: несть бо ему греха». С ним перекликается вопрос 18: «Аще не будет епископа во граде, лзе ли игумену крест въздвизати? — Ответ. Сего не бронтят канони святого Феодора Студийскаго». На наш взгляд, в этих вопросах упоминается монастырь, в который епископом Феогностом была перенесена или планировалось перенести кафедру сарайской епископии. Возможно, что с самого начала существования этого церковного института, его кафедра находилась во вновь образованном монастыре. По сравнению с городским собором, монастырь в условиях Золотой Орды гораздо более подходил в качестве резиденции епископа, т.к. был более устойчив к внешнему воздействию и имел больше возможностей для расширения своего влияния. Не случайно в дальнейшем именно монастыри стали опорой католических миссионеров, как в Золотой Орде, так и на Ближнем и Среднем Востоке.

Таким образом, во владениях Золотой Орды порой сталкивались интересы русского духовенства и иерархов из других православных митрополий. Однако, сфера влияния последних в основном распространялась на Крым и южные районы Золотой Орды. В смежных церковных округах иногда возникали разногласия. Для подтверждения

...Русская церковь и проводимая ей в золотоордынских владениях дипломатическая и миссионерская деятельность имели большое значение для восточной политики русских княжеств.

приведем синодальное решение спора между Сарайским епископом и предстоятелями Аланской и Зикхийской епархий по поводу осуществления церковных прав в отношении населения, переселившегося в области Сарая из

Алании, Зихии и др. окрестных территорий. Спор рассматривался на уже упомянувшемся соборе 1276 г. в Константинополе. Решение было принято в пользу Сарайского епископа, которому предписывалось иметь духовную власть над переселившимися людьми, по-архиерейски судить их, а священники из стран, откуда они вышли, должны были отступить от них [13, стб. 139]. Как видим, в центре монгольского государства в Поволжье, в улусе сарайского хана, авторитет и влияние русского духовенства оказывались приоритетными.

Такое положение дел сохранялось до конца правления хана Менгу-Темира. При этом правителе влияние русских иерархов, а также и некоторых русских князей было, вероятно, достаточно весомо. Сам хан оставался приверженцем традиционной веры предков, но доброжелательное отношение к христианству, свойственное монгольским правителям до Берке, продолжало сохраняться. Известно дружеское отношение хана Менгу-Темира к русскому князю Федору Ростиславовичу Ярославскому. Согласно житию этого князя, он пользовался большим расположением ханши, по настоянию которой женился на дочери хана Менгу-Темира [6, с. 60, 61]. Естественно, ордынская принцесса была крещена по православному обряду. Достаточно тесные отношения должны были сложиться у хана и с сарайским епископом Феогностом. Сарайский владыка неоднократно выполнял дипломатические поручения золо-

© Рыженко П.В.

Молитва. Худ. Рыженко П.В. 2001

тоордынского правителя. Наиболее подробно об этом говорится в Никоновской летописи: «Того же лета (1279) прииде Феогнаст, епископ Сарайский, втретии из Греческия земли, изо Царягорода; посылал убо его преосвященный Кирилл, митрополит Киевский и всеа Руси, и царь Ордынский Менгу Темирь к патриарху и к царю Михаилу Палеологу Греческому, от преосвященного Кирилла митрополита грамоты и от царя Менгу Темиря грамоты, и поминки от обою» [10, с. 157]. Выполнение дипломатических поручений хана способствовало упрочению позиций епископа Феогноста при его дворе, что, в свою очередь, позволяло сохранять русское влияние в Сарае и шире развернуть миссионерскую деятельность.

Однако успехи Русской церкви в ордынских владениях были не продолжительными. В конце XIII в. здесь начинается постепенное уменьшение влияния русского духовенства. В это время в Северо-Восточной Руси происходило ослабление великокняжеской власти, нуждавшейся в постоянной ханской помощи, что приводило к измельчанию внешнеполитических задач. Церковь, традиционно опиравшаяся на систему верховной государственной власти, не могла не испытать воздействия этих процессов. Ее внимание все больше отвлекалось разгоравшимися междукняжескими усобицами, а материальные возможности сокращались из-за разорения церковных владений.

Возникшее в конце XIII в. в Орде двоевластие, дестабилизировавшее систему управления, привело к войне между ханами Токтой и Ногаем. В итоге вновь начинали усиливаться позиции мусульман при дворе сарайских ханов. Преемник хана Менгу-Темира, его сын Туда-Менгу, по свидетельству египетских авторов, — «привязался к шейхам и факирам, посещал богомольцев, довольствуясь малым после большого» [16, с. 105, 155, 381]. Влияние мусульман и их роль в государственной жизни Золотой Орды неуклонно возрастали, достигнув в правление ханов Узбека и Джанибека своего апогея. Чуть позже, с укреплением и ростом на южном побережье Крыма колоний генуэзцев и венецианцев, в золотоордынских владениях началась и католическая пропаганда.

Данных, позволяющих пред-
ставить степень православного
влияния в Золотой Орде в XIV
в. немного, что является косвен-
ным отражением действитель-
ного положения дел. Задача, ре-
шаемые русским духовенством в
первой половине XIV в., своди-
лись в основном лишь к отста-
иванию завоеванных позиций в
монгольских степях, не претен-
дуя серьезно на их расширение. В
первую очередь, сокращение воз-
можностей для влияния русской
церкви было связано с превраще-
нием ислама в период правления
хана Узбека в государственную
религию. Но следует отметить,
что принадлежность Узбека к му-
сульманам не привела к гонениям
на приверженцев других конфес-
сий. Оставаясь мусульманином,
он оказывал покровительство
и христианам [5, с. 95, 96], а его
третья жена была дочерью визан-
тийского императора [16, с. 304].
Это подтверждает незыблемость
принципов традиционной рели-
гиозной политики монгольских
ханов, однако новые условия при-
водили к ее трансформации.

Из письма католического мис-
сионера видно, что мусульмане,
соперничая с христианами в об-
ращении кочевников, относились
к ним весьма терпимо, при усло-
вии уважения своей веры [1,
с. 91]. Но брат Иоганка со свои-
ми товарищами действовал в пе-
риферийных районах Золотой
Орды, в центральной же части
государства, в улусе сарайско-
го хана, в крупных Поволжских
племенах мусульмане были более
активны в вытеснении конкури-
рующих вероисповеданий. Суще-
ственные преимущества им дава-
ла поддержка верховной власти.
В 1315 г., по настоянию своих му-
сульманских советников, Узбеком
был издан эдикт, запрещавший
христианам колокольный звон [5,
с. 95]. В этой же связи, вероятно,
следует рассматривать и убийство
21 апреля 1323 г. в Булгаре хри-
стианина Федора, как добавляет
летописец «за православную веру
христианскую» [10, т. 7. с. 199; т.
18. с. 89]. Францисканец брат Ио-
ганка и его спутник, проповедуя
на территории современной Баш-
кирии, столкнулись с местными
представителями власти, испове-
дующими ислам, и чуть не погиб-
ли, оказавшись в тюрьме. Все это
происходило до 1320 г. [5, с. 92].
Примерами мусульманского дав-
ления в это время служат факты
отсутствия от христианской

веры и обращения в ислам неко-
торых католических миссионе-
ров. Так, например, Стефан Вен-
герский в 1333 г. принял мусуль-
манство и стал активным против-
ником христиан, но в дальнейшем
вновь перешел в старую религию,
за что и был убит мусульманами
в Сараях в 1334 г. [5, с. 96]. Поли-
тика исламизации затрагивала
не только католиков, но и право-
славных. Это видно из описания
Сарая Ибн Баттутой: «В нем (жи-
вут) разные народы, как то Мон-
голы — это (настоящие) жители
страны и владыки (ее); некоторые
из них мусульмане; Асы, которые
мусульмане; Кипчаки; Черкесы;
Русские и Византийцы, которые
христиане» [16, с. 306]. Упомина-
емые здесь Асы, это полукочевой
народ аланы, принявшие хисти-
анство в нач. X в. благодаря уси-
лиям византийских миссионеров.
Почти все именующиеся после это-
го времени свидетелями и упо-
минания об аланах, говорят о них
как о христианском народе, хотя
авторы и отмечают, что хисти-
анство у них слабо укоренилось.
В X в. была создана и отдельная
Аланская епархия, к XIII в. воз-
веденная уже в ранг митрополии.
Получается, что аланы, жившие в
столице Золотой Орды в 30-х гг.
XIV в., первоначально являлись
христианами, а затем были обра-
щены в ислам. Еще один пример
дает случай с аланским митропо-
литом, стремившимся с ханской
помощью освободиться от власти
Константинопольского патриар-
ха. Как видно из акта патриарше-
го собора по его делу, брат этого
иерарха, направленный с посоль-
ством в Сарай, вернулся оттуда
уже мусульманином [3, с. 452]. По
всей видимости, процесс ислами-
зации в столице Золотой Орды
был довольно интенсивным.

Изложенное выше показы-
вает, что положение христиан и
их духовенства в Золотой Орде
в рассматриваемый период по-
рой оказывалось затруднитель-
ным. Ясно, что дипломатическая
и миссионерская деятельность
русского духовенства также ис-
пытывала сложности. Пробле-
мы, порожденные идеологиче-
скими исканиями в Орде, отраз-
ились и на Сарайской кафедре.
В 1315 г., возможно, на кафедру
в Тверь был переведен сарай-
ский епископ Варсонофий. При-
чины оставления им кафедры в
Сарае, по всей видимости, свя-
заны с рассмотренными обстоя-
тельствами. В 1315 г. Узбеком

издан эдикт, ущемляющий сво-
боду христианского вероиспо-
ведания. В этом же году в Сарае
было основано католическое епи-
скопство, во главе которого был
поставлен францисканец Стефан
[5, с. 93]. Может быть, давление
мусульман и происки конкурен-
тов-католиков понудили Варсо-
нофия покинуть кафедру в Сарае,
оставившейся свободной 15 лет.
В 1330 г. «пожалова Азбяк царь
Сарайского владыку, даде ему
вся по прошению его, и никто же
его ничим же да не обидит» [10,
т. 10. с. 203]. Получал пожалова-
ние от хана Сарайский епископ
Софония, упоминавшийся в «За-
писках о поставлении русских
епископов» под 1330 г. [13, стб.
440–442]. Обращает внимание,
что пожалование хана Узбека
было вызвано просьбой епископа
и предусматривало его защиту от
обид. В политике Узбека, очевид-
но, произошли перемены. О том
свидетельствует восстановление
в декабре 1337 г. храма св. Софии
в крымском г. Сугдее, санкцио-
нированное монгольскими вла-
стями, а также письмо папы Бе-
недикта XII к хану Узбеку 1340
г., где выражается благодарность
за разрешение восстанавливать
разрушенные церкви [9, с. 1002,
1003]. Вероятно, с этими коррек-
тивами в конфессиональной по-
литике связана поездка митропо-
лита Феогноста в Золотую Орду
в 1333 г.

Мусульманскому окру-
жению хана Узбека, стремившему-
ся как можно шире распростра-
нить свою веру среди поддан-
ных в Золотой Орде, приходи-
лось считаться со сложившимся
положением дел. Значительная
часть населения как в государ-
стве в целом, так и в столице, и
в других крупных городах ис-
поведовала христианство. Сре-
ди городских жителей-христиан
уже имелись поколения, вырос-
шие непосредственно в Золотой
Орде. Они обладали определен-
ными правами, их социальные и
религиозные потребности были
более обширными, нежели пер-
вых поселенцев, находившихся
на положении рабов. Чрезмер-
ный нажим при обращении в ис-
лам мог иметь обратный резуль-
тат и нарушить внутривласти-
ческую стабильность. Поэтому
приходилось мириться с прису-
ствием в Сарае и в других золо-
тоордынских городах хисти-
анских священников и хисти-
анских храмов, существование

которых фиксируют летописи в Бездеже и Маджарах [10, т. 25. с. 165, 166].

Без посредничества Православной церкви не могли разрешиться многие проблемы, возникавшие среди христианского населения. Например, брачно-семейные отношения, имущественные отношения не всегда могли быть решены на основе Великой Ясы, а тем более не могли решаться на основе шариата. Монгольские чиновники не знали юридических и канонических норм регламентирующих жизнь христиан, поэтому допущение деятельности христианских священников было им необходимо. Например, Рубрук во время по-

следнего приема у Мункэ-каана просил разрешения остаться в монгольских владениях, обосновывая это тем, что «в Болате есть Ваши бедные рабы, которые говорят на нашем языке, и они нуждаются в священнике, который бы учил их и детей их закону и охотно пребывал бы с ними» [11, с. 175]. Поскольку большинство из христианского населения Золотой Орды все же исповедовало православие, Русской церкви удавалось сохранять свои позиции, хотя и не без урона.

Очень немного можно сказать о деятельности русского духовенства во второй пол. XIV в. Лишь два события показывают нам, что она не прекратилась.

Первое, это хорошо известная поездка митрополита Алексея в Орду в 1357 г. для лечения матери Джанибека, ханши Тайдулы [10, т. 15. стб. 55; т. 18. с. 99, 100]. Обращает внимание, что русский архиерей был специально приглашен к больной правительнице, следовательно, он был ей хорошо известен. Тайдула была влиятельной фигурой в окружении хана, о чем свидетельствуют ярлыки, выдаваемые от ее имени. Женщины в Золотой Орде пользовались значительными правами и уважением, участвовали в государственных делах, что вызывало удивление мусульманских авторов. Добившись расположения ханши Тайдулы, можно было

© Капков Я. Ф.

Исцеление митрополитом Алексеем Тайдулы, жены Чанибека, хана Золотой Орды. Худ. Капков Я. Ф. Конец 1830-х – начало 1840-х. Государственная Третьяковская галерея

пытаться оказывать какое-то влияние на самого хана и рассчитывать на успешное продвижение и разрешение своих дел в его канцелярии. Это прекрасно осознавали русские дипломаты и миссионеры, зачастую выступавшие в одном лице. Примечательно, что Тайдула была старшей и любимой женой Узбека, а следовательно, не могла не испытать влияния ислама.

Представителям Русской церкви приходилось отстаивать свои позиции при дворе хана в остром соперничестве с исламским духовенством. Митрополиту Алексею пришлось вступить в спор о вере с неким богатырем Мунзи, сыном слепого муллы Говзадина и сестры хана Барака, перед самим ханом Джанибеком [2, с. 273. № 204]. Подробности этого события неизвестны, но возникают аналогии с теми религиозными диспутами, которые устраивались между представителями разных конфессий по повелению каанов в Каракоруме. Рассматриваемое событие, по всей видимости, является проявлением еще сохранявшейся политической традиции терпимого отношения к разным религиям, о которой мы уже говорили. В соответствии с представлениями монголов, выздоровление ханши должно было произойти быстрее и вернее, если бы за нее молились и ее лечили духовные лица разных вероисповеданий. Из отчета Рубрука видно, что так поступали, когда заболела старшая жена Мунке-каана Кутукуй-хатун [11, с. 152, 153]. Несмотря на утверждение ислама государственной религией, в своей повседневной жизни монгольские правители и члены их семей во многом про-

должали руководствоваться традициями предков. Нельзя, разумеется, отбрасывать личные симпатии и склонности членов ханского дома к той или иной религии. Предположить такое отношение к митрополиту Алексею дают основание как ярлыки, выданные ему самой ханшей Тайдулой, так и ярлык Бердибека 1357 г., означавший возврат к прежней покровительственной политике в отношении Русской церкви. Для достижения такого результата православное духовенство приложило немалые усилия.

Изменения в политике при хане Бердибеке позволяли надеяться на улучшение условий для ведения миссионерской работы в среде монголов и подвластных им народов. К сожалению, сведений об этой деятельности в краткий срок правления Бердибека не сохранилось. Лишь сообщение о событиях после его смерти дает нам еще некоторую информацию: «Того же лета (1359) Бердибек царь умре, а Кульпы седе на царствии; царствова 5 месяць и убиен бысть от Навруса с двема сынома своима, с Михаилом и Иваном...» [10, т. 18. с. 100; т. 10. с. 231]. Судя по имени сыновей хана Кульпы, они были христианами, скорее всего, православными. Стать приверженцами христианства они могли как раз во время правления Бердибека, благоволившего к Русской церкви. Последовавшая за сменой хана Кульпы острая политическая борьба, сопровождавшаяся частой сменой правителей на сарайском престоле, свидетельствовала о начале процесса распада золотоордынского государства. В условиях постоянной политической нестабильности, ослабле-

ния центральной ханской власти, упадка городской жизни и периодических военных действий, даже духовенству вести интенсивную дипломатическую и миссионерскую работу было крайне сложно, а порой невозможно. Золотая Орда начинает утрачивать свою мощь и влияние, и лишь продолжавшаяся борьба на Руси за великокняжеский стол и гегемонию позволяла ханам еще сохранять рычаги своего влияния на русские княжества.

Обобщая все изложенное можно заключить, что Русская церковь и проводимая ей в золотоордынских владениях дипломатическая и миссионерская деятельность имели большое значение для восточной политики русских княжеств. Время успешного распространения христианства в монгольских владениях совпало с созданием в Золотой Орде собственной государственной структуры, независимой от императорского двора в Каракоруме. В этот период монгольские шаманистические традиции уже не отвечали новым требованиям. В таких условиях существовала потенциальная возможность приобретения христианством, скорее всего православием, статуса государственной религии. На это, вероятно, очень рассчитывали правители соседних с Золотой Ордой государств, в первую очередь Руси и Византии. Однако практически эта возможность так и не была осуществлена. Выполняемые духовными иерархами дипломатические задачи способствовали, насколько это было возможно в сложившихся условиях, установлению с монгольскими правителями взаимоотношений, отвечающих интересам Руси. ■

Источники

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. Т. 3. С. 71–94.
2. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцева музея. СПб., 1842.
3. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 446–473.
4. Итоги изучения внешней политики России. М., 1987.
5. Красносельцев Н. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мусульман. Казань, 1872.
6. Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.
7. Павлов А.С. Курс церковного права. Изд. Свято-троицкой Сергиевой лавры, 1902.
8. Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. СПб., 1873. Вып. 1.
9. Письмо папы Бенедикта XII к хану Узбеку // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 1002–1004.
10. Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949.
11. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд. Географич. литер., 1957.
12. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960.
13. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.
14. Русские повести XV–XVI веков. М.; Л., 1958.
15. Сочнев Ю.В. К исторической основе «Повести о Петре, царевиче ордынском» // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка. XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. 2009. Т. 2. С. 6–9.
16. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.